

психолога
практикующего
Журнал

2001/7

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованого засобу масової інформації
№ 2510 Серія КВ від 20.02.1997 р.

ББК 99я54
УДК 1(05)

*Издається по рішенняю ученого совета
Киевского государственного лингвистического университета
Протокол №8 от 26. 03. 2001 р.*

Главный редактор
А. Ф. Бондаренко

Заместитель главного редактора:
С.Н. Хоружий

Редакционная коллегия

Бондаренко А. Ф. (Киев)
Бурлачук Л. Ф. (Киев)
Васильок Ф. Е. (Москва)
Казмиренко В. П. (Киев)
Ложкин Г. В. (Киев)
Максименко С. Д. (Киев)
Носенко Э. Л. (Днепропетровск)
Петренко В. Ф. (Москва)
Фрэнсин Шапиро (Pacific Grove, California)
Роберт Янг (Oakhurst, California)

Адрес редакции:
г. Киев

ул. Красноармейская 73, КГЛУ, к. 904.
Тел./ факс (044) 227-23-01

Почтовый адрес:
03150, Украина, г. Киев, а/я 167

E-mail: alfbond@ukrpack.net
www.crosswinds.net/~alfbond/journal

Перепечатка любых материалов, опубликованных в
"Журнале практикующего психолога",
допускается только с разрешения
Центра консультативной психологии
Киевского государственного лингвистического университета

*Ответственность за достоверность фактов, цитат, имен
и других данных несут авторы публикаций.*

© Центр консультативной психологии
Киевского государственного лингвистического университета, 2001.

Содержание

<i>От редакции</i>	7
Традиция русского персонализма	
<i>Лев Толстой. Религия и нравственность</i>	9.
Проблемы медицинской и консультативной психологии	
<i>М. Р. Минигалиева. Проблемы подготовки психологов-консультантов</i>	27.
<i>О. В. Швачко. Проблемы развития типологического мышления в системе профессионально важных качеств психолога-консультанта</i>	43
<i>Е. И. Белячкова. Комбинированная терапия панического расстройства</i>	49
Публикации молодых ученых	
<i>В. Р. Кейсельман. Метод структурной редукции означающих в психотерапии</i>	61
<i>Н. А. Кучеровская. Профессиональное сознание психолога-практика как предмет исследования</i>	84
<i>О. Н. Назарук. Детский нарратив: попытка экспериментального исследования</i>	95
<i>А. М. Ковальчук. Психологические аспекты оценки социальной молодежной рекламы</i>	107
В помощь практикующему психологу	
<i>К. В. Коростелина. Культурные размерности и кросскультурная адаптация</i>	114
<i>О. С. Федоренко. Значения алкоголя в мотивационной структуре человек при позашлюбных статевих стосунках</i>	134
<i>Н. Л. Тренина. Эволюция учебных стилей в процессе профессионального самоопределения</i>	138
Проблемы психодидактики	
<i>С. А. Мусатов. Учитель как субъект педагогической коммуникации</i>	153
Психологическая публицистика	
<i>А. Ф. Бондаренко. "Народное целительство": психологический анализ феномена</i>	167
Наши гости	
<i>A. de Jongh. Treatment of Specific Phobias with EMDR</i>	182
Случай из практики	
<i>А. Ф. Ермошин. Работа с горем</i>	202
Наши авторы	211
Аннотации	213

Назарук О. Н.

Детский нарратив: попытка экспериментального исследования

В статье излагаются результаты пилотажного эксперимента, направленного на изучение отражения личностного опыта ребенком в нарративе. Исследование показало, что детский нарратив отражает различные аспекты опыта жизни ребенка: аффективный, ценностный, активистский, экзистенциальный. Обосновывается продуктивность психосемантического подхода в исследовании детского нарратива, который позволил установить возможные ограничения в его изучении и наметить дальнейшие перспективы экспериментального исследования.

Постановка проблемы

Нарратив как феномен и предмет исследования в последнее время занимает все более и более значительное место и в гуманитарных науках в целом, и в развивающейся нарративной психологии. Всё более популярной становится идея нарративизации сознания, опыта личности, т.е. способности человека описать себя и свой жизненный путь в виде единого рассказа, который строится по законам жанровой организации художественного текста [2, 6, 7, 10, 11, 13, 19]. Тем самым выстраиваются новые возможности понимания и осмысления сложных и дифференцированных контекстов личностного опыта, различных форм жизнедеятельности личности, сущность которых заключается, по всей вероятности, в том, что субъективные переживания трансформируются в рефлексивные смыслы в момент их развёртывания, означивания и опредмечивания в форме рассказа.

По-видимому, именно автобиографический рассказ является для человека способом воссоздания не просто ощущений фактической реальности пережитого события прошлого, но объективации его как особой реальности, структурного компонента собственной личности, именуемой термином "опыт". Именно поэтому в становлении и развитии личности столь важная роль отводится ранним воспоминаниям, в которых "содержится фундаментальная оценка человеком самого себя и своего положения" [16, с. 72], т.к. "это его первое обобщение явлений, первое более или менее символическое выражение самого себя и тех требований, которые к нему предъявляются" [16, с. 72]. По словам Альфреда

Адлера, посредством ранних воспоминаний люди признаются в своих жизненных целях, в своём отношении к окружающим и своём взгляде на мир совершенно нейтральным и незатруднительным для себя образом [16, с. 73]. Подтверждение этому мы находим и у классиков литературы¹.

Отрывки биографических рассказов великих писателей – свидетельство значимости событий, понимания приобретенного опыта и влияния его на выбор жизненной позиции, творческий путь, жизнь в целом. С. Л. Рубинштейн назвал эти взаимосвязи “кольцевой зависимостью”, выделив в особый ряд соотношение между поступками, психологическими свойствами личности и жизненными обстоятельствами [14, с. 144].

“Рассказ о себе”, обозначенный нами как “аутонарратив”, содержит не только ранние воспоминания эмоционально окрашенных событий (ставших значимыми или поворотными), не только действующие лица и сюжет (эволюционирующий во времени), но и формирует такой неотъемлемый компонент развития личности, как жизненный опыт, т.е. рефлексию событийных впечатлений как основу последующих экзистенциальных умений, составляющих, собственно говоря, искусство жить.

До настоящего времени проблема развития процессов понимания и интерпретации личного опыта детьми и его воплощения в форме текста-нарратива не была, насколько нам известно, предметом специального психологического исследования.

¹ Ф. М. Достоевский в “Дневнике писателя” описывает свои воспоминания, говоря о том, что в них он пережил свою прежнюю жизнь снова. “Я анализировал эти впечатления, придавая новые черты уже давно пережитому, ... поправлял непрерывно” [9, с. 422]. Одно из самых ранних воспоминаний относится к девятилетнему возрасту: “...мгновение, казалось бы, мною совершенно забытое ... – и вдруг теперь, двадцать лет спустя, припомнил с такой ясностью, до последней черты. Значит, залегла же она в моей душе неприметно, ... и вдруг припомнилась тогда, когда было надо” [9, с.425].

М.Е. Салтыков-Щедрин в автобиографической главе “Первые шаги на пути к просвещению”, в последнем произведении “Пошехонская старина” говорит о значимом для него событии, происшедшем в девятилетнем возрасте, от имени главного героя: “Для меня эти дни принесли полный жизненный переворот... Я даже могу с уверенностью утверждать, что момент этот имел несомненное влияние на весь позднейший склад моего мировоззрения” [15, с. 75].

Л. Н. Толстой в автобиографическом рассказе “Моя жизнь”, повествует о двух самых ярких впечатлениях, об испытанных чувствах и ощущениях, будучи ребенком, а главное, признает значимость и необходимость всех свершившихся в своё время событий: “Разве не тогда я приобретал всё то, чем я теперь живу, и приобрел так много, так быстро, что во всю остальную жизнь я не приобрёл и 1/100” [18, с. 418].

Между тем опыт личности, его наличие в раннем воспоминании, его понимание, дает возможность выбора собственной жизненной цели, а также других приоритетов, определяющих в дальнейшем стиль жизни. И даже в метафорической форме, по словам А. Адлера, содержание ранних переживаний отражает жизненный стиль: "Стиль жизни выстраивается вокруг стремления к определенной цели совершенствования, и поэтому мы должны ожидать, что каждое слово, действие или чувство будет органической частью этой целостной линии действий" [16, с. 105].

Самоповествование, облеченное в форму нарратива, отражает стихийно сложившиеся имплицитные способы познания, на основе которого структурируется наше восприятие мира и самих себя, упорядочивается опыт. Включение знаний, умений, навыков, событий прошлого, ценностей и структур опыта не даёт возможности личности изменить обстоятельства её развития, но зато позволяет сделать другое: изменить представление о себе.

Заметим, что опыт, личность и культура связаны отношениями эквивалентности: часть равновелика целому. Психологический опыт личности укоренён в универсуме культуры [7, с. 10], поэтому будучи социальным существом, частью воспринимаемого мира, человек зависим от способов и правил существования в среде в рамках определенной культуры. На субъективно значимые события и переживания как бы накладывается категориальная сетка структур самосознания личностных и культурных требований, ценностей, интериоризованных норм, в то время как экстериоризация пережитого в форме повествования служит средством самопредъявления личности миру. Система представлений об окружающем мире, о своей жизни и о том, что с ней связано, о значимых других и т.п. находит отражение именно в аутонарративе.

Можно говорить о том, что выше отмеченное является знаковой основой формирования Я-концепции и стимулом для выбора линии развития личности. Если раннее воспоминание – "это субъективная стартовая точка, начало автобиографии, которую для себя создает человек" [16, с. 72], то последовательное перечисление событий (по возрастающей) можно уже назвать историей жизни.

Наличие последней выполняет, время от времени, психотерапевтическую функцию: "история, которую человек повторяет, чтобы предостеречь себя или утешить себя, чтобы поддержать направленность на избранную цель, чтобы подготовить себя с помощью прошлых переживаний ко встрече с будущим" [16, с. 104], служит важным психологическим средством, обеспечивающим поддержание личностной идентично-

сти, психологической тождественности личностного "Я", проходящего через различные периоды своего развития.

В литературе высказываются предположения, что личностный опыт может быть зафиксирован в виде текста-нарратива, в котором отражены не только события жизни человека, но и его личностные характеристики (Я-концепция, ценностные ориентации, жизненные планы и перспективы и т.п.), что особенно важно именно в детские годы [1, 2, 3, 4, 7, 11, 19]. Речь, в самом общем смысле, освобождает ребенка от безраздельной погруженности его во внешний мир и делает способным к размышлению над самим собой, способным постигать своё собственное "Я" [17, с. 62].

Имеет смысл предположить, что на разных возрастных этапах эти нарративы обладают присущими им особенным строением и содержательными характеристиками, влияющими на поведение ребенка и его отношения с окружающими. Для обеспечения более-менее ясного понимания сущностных моментов формирующегося жизненного опыта ребенка, необходимо, по-видимому, особое внимание уделить именно начальным, дорефлексивным этапам развития сознания ребенка, которые, собственно, и проявляются в форме нарратива, т.е. дискурса, объединенного некой одной темой, одним событием, одним переживанием. С целью уточнения путей и способов экспериментального изучения детского нарратива как своеобразного способа отражения формирующихся структур жизненного опыта на дорефлексивном этапе становления личности мы предприняли попытку пилотажного исследования, общая схема которого заключалась в следующем.

Методика и процедура пилотажного исследования

Для выявления психологического своеобразия детского нарратива и возможных путей его экспериментального изучения нами была предложена следующая исследовательская процедура, включавшая в себя как принятие отдельных компонентов хорошо структурированных психометрических тестов (например, шкала "В" детского варианта теста Кеттелла), так и анализ внешне не структурируемых диагностических средств (например, свободные детские высказывания). Пилотажное исследование состояло из четырех этапов.

На первом этапе пилотажного эксперимента группе учеников вторых классов средней школы № 155 г. Киева (всего 53 чел.) было предложено сочинить рассказ на тему: "Самое интересное событие в моей жизни". Время написания рассказа, а также длина текста не лимити-

ровались. Все дети – участники эксперимента, средний возраст которых составляет $8,5 \pm 0,5$ лет, были протестированы по шкале “В” детского варианта теста Кеттелла (шкала обучаемости). Затем им была предложена ориентировочная методика самооценки, представляющая собой набор вопросов для оценки степени значимости, которую дети в целом придают таким личностным качествам как сила воли, послушность, прилежность, интеллектуальное развитие и т.д., а затем оценить аналогичные качества у себя.

После сбора всего экспериментального материала для окончательной экспериментальной обработки были отобраны двенадцать текстов, длина которых была не менее 50 слов, а стеновый показатель автора рассказа по шкале “В” теста Кеттелла не ниже 6.

На втором этапе исследования была проанализирована морфологическая и синтаксическая структура детских рассказов-нарративов по методике, применяемой в психолингвистических исследованиях текстов [5, с. 63].

На третьем этапе отобранные 12 текстов-нарративов были предложены для оценки 10-ти экспертам, среди которых половина были учителями младших классов, а вторая половина – студенты последнего курса факультета психологии НПУ им. М.П. Драгоманова. В качестве инструмента оценивания использовался семантический дифференциал Дж. Кэррола [5], состоящий из 10-ти шкал, содержащих прилагательные-антонимы (дескрипторы), входящие в семантическую структуру трех осгудовских факторов: сила, оценка, активность.

На четвертом этапе все полученные данные были подвергнуты статистической обработке с применением процедур и критериев непараметрической статистики с последующей факторизацией полученных данных. При этом вычислялись: ранговая корреляция между стеновыми показателями по шкале “В” теста Кеттелла и самооценкой детей-участников эксперимента; между показателями по шкале “В” теста Кеттелла и впечатлением от текста-нарратива ребенка у экспертов. В заключение факторизовалась матрица, представляющая собой набор переменных, характеризующих синтаксико-морфологическую структуру текстов и его экспертную оценку. Факторный анализ был выполнен методом главных компонент статистического пакета программ SPSS.

Результаты

После подсчета всех имеющихся данных были получены следующие результаты. Ранговая корреляция по Спирмену между стеновыми

показателями фактора "В" теста Кеттелла и самооценкой детей оказалась 0,97 для 2-го класса "А" (24 учащихся) и 0,96 для 2-го класса "Б" (29 учащихся).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что для проведения исследовательской работы можно учитывать один из показателей, например, шкалу "В" по тесту Кеттелла как обобщенный показатель личностных особенностей ребенка.

Корреляционный анализ, проведенный между показателями (12 отобранных детей двух вторых классов) шкалы "В" теста Кеттелла и впечатлением от текста-нарратива (на основе семантического дифференциала при участии 10-ти экспертов) показал, что существует высокая положительная корреляция между этими показателями (0,84). Полученная положительная корреляция дает возможность утверждать, что, учитывая высокие показатели шкалы "В" теста Кеттелла (шкала обучаемости), можно ожидать высоких показателей и от впечатления экспертов в результате оценивания ими текстов-нарративов.

Факторизация матрицы методом главных компонент, включавшая в себя как объективные (синтаксико-морфологические), так и субъективные (измеренные техникой семантического дифференциала) параметры, относящиеся к детским текстам-нарративам, позволила выделить 6 факторов, из которых содержательный смысл имеют 4, охватывающие 77,8 % общей дисперсии.

Первый (главный), описывающий 28,1 % дисперсии, вообрал в себя следующие признаки-дескрипторы, перечисляемые в порядке убывания веса факторных нагрузок, минимальный предел которых задавался на уровне отсечения не ниже 0,500:

- Переменная 19: 0,87 – "активный – пассивный"
- Переменная 17: 0,84 – "решительный – робкий"
- Переменная 24: 0,80 – "образный – формальный"
- Переменная 16: 0,79 – "сильный – слабый"
- Переменная 23: 0,75 – "веселый – грустный"
- Переменная 22: 0,74 – "ясный – смутный"
- Переменная 18: 0,74 – "самостоятельный – зависимый"
- Переменная 14: 0,73 – "лексическая плотность"
- Переменная 21: 0,67 – "расслабленный – напряженный"

Как явствует из полученных данных, содержание главного фактора почти полностью состоит из субъективного полюса матрицы, отражающей осгудовские факторы силы, активности, оценки. Эта обобщенная, чисто психологическая характеристика детских текстов-нарративов, отражает, по-видимому, общий характер впечатления от детских тек-

стов, определяющийся столь же прозрачно прочитываемыми эстетическими критериями, которые вполне приложимы, например, к оценке и детских рисунков. Единственный лексический дескриптор, по-видимому, служит лишь объективированным способом выделения специфической “детскости” нарратива наподобие насыщенности детского рисунка или жирности линии на нем. Поскольку главный фактор вобрал в себя практически все признаки-описания из семантического дифференциала, он получил название “Общее эстетическое впечатление”.

По-видимому, этот обобщенный фактор – “Общее эстетическое впечатление” – выполняет функцию некой глобальной оценки детского нарратива как специфического продукта деятельности, идентифицирующегося именно с детскостью как основным признаком, формирующим в сознании экспертов особый тип оценивания.

Второй фактор, описывающий 22,4 % дисперсии, вобрал в себя следующие дескрипторы:

- Переменная 9: 0,84 – доля прилагательных
- Переменная 8: 0,79 – доля глаголов
- Переменная 1: 0,73 – количество предложений
- Переменная 7: 0,71 – доля существительных
- Переменная 2: 0,65 – средняя длина предложения
- Переменная 20: 0,57 – “спокойный – подвижный”

Структура данного частного фактора отражает психологические и лексико-грамматические свойства детского нарратива, которые легко описываются полюсами: “Динамичность – статичность”.

По всей вероятности, именно эта структурная и в то же время психологическая особенность детского нарратива составляет то его своеобразие, которое объективируется не только за счет сугубо перцептивных характеристик, структурирующих восприятие детского высказывания, но и собственно имманентными его свойствами, в частности лексико-семантическими.

Третий частный фактор, собравший 14,7 % общей дисперсии, включает в себя следующие переменные:

- Переменная 13: 0,86 – предикативная нагрузка
- Переменная 6: 0,65 – доля предложений с деепричастным и причастным оборотами
- Переменная 11: 0,62 – доля местоимений
- Переменная 5: 0,61 – доля односоставных предложений
- Переменная 2: 0,59 – средняя длина предложения

Как видно из структуры данного фактора, она полностью обусловлена объективными переменными, входящими в состав исходной матрицы. Исходя из ведущего веса факторной нагрузки по переменной 13 и учитывая своеобразие факторного веса по переменной "доля местоимений", отражающей значение "местоименности" как специфической особенности детской речи, данный частный фактор вполне может быть определен как "Осмысленность". Подчеркнем еще раз, что содержательный смысл этого частного фактора выводится не из особенностей восприятия, а из самой грамматической структуры детского нарратива, в котором предикативность, т.е. функция передачи смысла, задает одно из существенных структурных его измерений.

Четвертый частный фактор, описывающий 12,6 % общей дисперсии, вобрал в себя следующие переменные:

Переменная 1: 0,91 – количество предложений

Переменная 2: 0,86 – средняя длина предложений

Как видно из его структуры, содержание данного фактора также целиком детерминировано объективными признаками и отражает такое измерение детского нарратива как его общая величина. В связи с этим данный фактор и получил наименование "Длина текста". Если соотнести смысл данного фактора с одним из исходных условий экспериментального отбора текстов-нарративов (длина не меньше 50-ти слов), вполне уместно предположить, что содержание данного частного фактора скачет, наряду с предыдущим отражает некую принципиальную особенность детских авторских текстов. Особенность, которую можно интерпретировать как способность нести смысл в пределах необходимой и достаточной емкости дискурса.

Итак, психосемантическая структура детского текста-нарратива описывается следующими факторами:

Главный: 1. "Общее впечатление" (эстетическое)

Частные: 2. "Динамичность – статичность"

3. "Осмысленность"

4. "Длина текста"

При этом первый (главный) фактор детерминирован почти исключительно внешними (субъективными) дескрипторами, в то время как частные – исключительно структурными лексико-грамматическими свойствами детских текстов-нарративов.

Выявленная четырёхфакторная структура, позволяющая описать детский нарратив по формальным признакам, предполагает вместе с тем и возможность обогащения анализа за счет учета сугубо содержательных компонентов высказывания ребенка. Проведенный нами контент-

анализ полученных в эксперименте текстов-нарративов показал следующее:

Наиболее частотные темы:

“Отдых”	- 0,42
“Прогулка”	- 0,42
“Новогодний праздник”	- 0,16

Наиболее частотные события:

“Необычная прогулка”	- 0,42
“Необычное купание”	- 0,25
“Необычный подарок”	- 0,08
“Новогодние впечатления”	- 0,16
“Необычное приключение с котом”	- 0,08

Наиболее частотные персонажи:

“Ребенок – автор рассказа”	- 1;
“Мама”	- 0,42
“Родители”	- 0,33
“Родственники”	- 0,42
“Знакомые взрослые”	- 0,08
“Знакомые дети”	- 0,08
“Животные”	- 0,16

Таким образом, вполне уместно выдвинуть гипотезу о том, что уже в младшем школьном возрасте ребенок, овладевая письменной речью, овладевает вместе с тем и способностью эстетически выразительного, экспрессивного, осмысленного и относительно завершенного построения высказывания о собственном жизненном опыте другим и, следовательно, самому себе. Детский нарратив выступает одним из важнейших психологических средств формирования сознательного, т.е. оценочного, отношенческого, этически и эстетически осмысленного личного опыта как особой, дорефлексивной личностной структуры, которая закладывается в основу будущей “Я-концепции” формирующейся личности.

Обсуждение результатов

Полученные в пилотажном исследовании ориентировочные данные дают возможность более отчетливого представления о такой составляющей сознания ребенка, как опыт.

В самом деле, уже событийный ряд, заданный инструкцией экспериментатора (описать самое интересное событие) хотя и сужает возможный диапазон представлений ребенка о том, что, собственно говоря, входит в его жизненный опыт, в пережитое, все же отражает *типичное* для детей в ситуациях и переживаниях. Так, в нашем пилотажном эксперименте это три темы: отдых, прогулка, новогодний праздник. И всего пять событий. “*Необычные*”: прогулка, купание, подарок, впечатление, приключение. Заслуживает внимания то обстоятельство, что “самое интересное событие” все без исключения дети связывают, во-первых, исключительно с досугом. Во-вторых – не с собственно деятельностью, или исключительно с действием, а именно с различными аспектами жизни как событийного ряда. Таким образом раскрываются различные аспекты детского жизненного опыта: перцептивно-локомоторный (прогулка); сенсорно-локомоторный (купание); перцептивно-аффективный (новогоднее впечатление); ценностно-аффективный (необычный подарок); аффективно-интеракционный (приключения с котом). Жизненный опыт оказывается некоей целостностью, генезис который восходит к определенной связи, со-отношению ребенка и мира: это – соотнесение ребенка с событием, действием, с ощущением, с восприятием или взаимодействием, которые рождают у него эмоционально окрашенное ценностно-смысловое переживание бытия.

Характерно, что ни один из 53-х детей – участников пилотажного исследования даже косвенно, даже намеком, не упомянул о школе и учении. Контент-анализ детских нарративов показывает, что в мире ребенка присутствуют: он сам, мама, родители, родственники, знакомые взрослые, знакомые дети, животные. И отсутствует такая фигура как учитель. Возникает вопрос: если ведущей деятельностью в младшем школьном возрасте является учебная, отчего эта, столь важная в психологическом отношении часть жизни не затрагивает ни перцептивный, ни аффективный, ни собственно активистский, ни экзистенциальный аспекты жизненного опыта ребенка?

Безусловно, тот факт, что дети, уровень интеллекта (обучаемости) которых соответствовал психометрической норме, сумели описать, описать собственный опыт, есть прямой результат учения, функция, сформированная им. Но означает ли это, что учение (как собственно учебная деятельность или как способ присвоения тех или иных умений и знаний) выступает в роли именно ведущей? Не занимает ли она, в сущности, место важного, но всего лишь условия и только условия формирования и выражения опыта ребенка? Не выступает ли, наоборот, жизненный опыт ребенка таким психологическим образованием и такой психологической категорией, которая гораздо шире, объемнее любых,

не только деятельностных, но и психоаналитических (латентная фаза), и когнитивистских (стадия конкретных операций) его интерпретаций? Не в этом ли кроется продуктивность именно герменевтического подхода к детскому опыту, специфика которого, по замечанию Н.В. Чепелевой, в том и состоит, что он реконструирует реальность аутентичным образом, а не налагает на нее внешние интерпретационные схемы?

В свое время Л.С. Выготский уделил особое внимание тому, что ребенок – это не маленький взрослый, как иногда думают сами взрослые. Ребенок – это качественно иной мир. “Но на практике психологии еще предстоит раскрыть этот сложный процесс развития во всей его реальной полноте и уловить все те качественные изменения и превращения, которые переделывают поведение ребенка” [8, с. 135].

В связи с этим более пристального анализа заслуживает качественное своеобразие факторов, описывающих детские нарративы в их психосемантической структуре. Общая психосемантическая структура детского нарратива, как явствует из содержания факторов, включает в себя два компонента: объективный (длина текста, динамичность – статичность) и субъективный (общее впечатление, осмысленность). Первый из них является сугубо формальным. Второй – чисто психологическим, но поскольку психическое представляет собой *отраженное*, в данном случае оценки-перцепты экспертов *отражают* некую данность как совокупность *отраженных* признаков. Мысль, которую мы пытаемся выразить, проста: традиционный, с позиций взрослого, подход именно к детскому нарративу ограничен в силу предельной его формализации. Качественное своеобразие детского дискурса требует усовершенствования, углубления исследовательских позиций, применения более точных, с большим дифференцирующим потенциалом, методов исследования, поскольку в противном случае возникает несоответствие между предметом исследования и способами его изучения. Наиболее продуктивным в данном контексте представляется нам аналогия с кросскультурными исследованиями, где бессмысленно пытаться интерпретировать культурное своеобразие одной среды с позиций другой. Возникает необходимость в создании некой универсальной концепции, некой своеобразной теории относительности, назначение которой заключалось бы в преодолении порока интерпретации иной культуры с позиций культурного эгоцентризма, о чем в свое время писали М. Коул и С. Скрибнер [12, с. 238–240]. На наш взгляд, этот более продуктивный путь в исследовании детского нарратива лежит в направлении, в котором сочетался бы углубленный психосемантический и герменевтический подходы. При этом углубление психосемантического подхода может выражаться в сочетании исследования структуры детского нарратива и индивидуального социо-

культурного сознания ребенка. А развитие герменевтического подхода могло бы обеспечиваться привлечением в качестве экспертов самих детей, а также усилением момента индивидуализации в анализе детского нарратива.

Выводы

1. Нарратив, в частности аутонарратив, может выступать важным средством психологического познания такого целостного компонента личностного сознания как опыт.
2. Детский аутонарратив как психологическая составляющая дорефлексивного уровня сознания и вместе с тем как отражение детского опыта жизни предъявляет особые требования к исследователю. Сложность его экспериментального исследования заключается в опасности соскальзывания в те или иные интерпретационные схемы вместо глубокого аутентичного анализа детского нарратива.
3. Пилотажный эксперимент показал, что детский нарратив отражает различные аспекты опыта жизни ребенка: аффективный, ценностный, активистский, экзистенциальный. Он продемонстрировал продуктивность психосемантического подхода в исследовании детского нарратива, а также позволил установить возможные ограничения в его изучении и наметить дальнейшие перспективы экспериментального исследования.

Литература

1. Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. – М.: Наука, 1988. – 288 с.
2. Автономова Н.С. Фрейд в Европе и в России: парадоксы “второго пришествия” // *Вопр. философии*, 2000, № 10. – С. 15–19.
3. Альбуханова-Славская К.А. Личностная регуляция времени // *Психология личности в трудах отечественных психологов*. – СПб.: Питер, 2000. – С. 279–297.
4. Анцыферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и “техники” ее бытия // *Психол. журнал.*, 1993. Т. 14. №2. – С. 3–17.
5. Бондаренко А.Ф. Социальная психотерапия личности (психосемантический подход). – К.: КГПИИЯ, 1991. – 189 с.

6. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // *Вопр. философии*, 2000, № 3. – С. 29–42.
7. Воробьева Л.И., Снегирева Т.В. Психологический опыт личности: к обоснованию подхода // *Вопр. психологии*, 1990, № 2. – С. 5–13.
8. Выготский Л.С. *Собрание сочинений*: В 6 т. – М.: Педагогика, 1983, Т. 3. – 386 с.
9. Достоевский Ф.М. *Дневник писателя* // *Рассказы*. – Петрозаводск: Карелия, 1985. – 448 с.
10. Калмыкова Е.С., Мергентайлер Э. Нарратив в психотерапии: Рассказы пациентов о личной истории // *Психол. журнал*, 1998, Т. 19, № 5. – С. 97–103.
11. Калмыкова Е.С., Чеснова И.Г. Анализ нарративов пациента: SCRT и дискурс-анализ // *Моск. психотерапевтический журнал*, 1996, № 2. – С. 176–200.
12. Коул М., Скрибнер С. *Культура и мышление*. – М.: Прогресс, 1977. – 264 с.
13. LifeLine® и другие новые методы психологии жизненного пути / Сост. и общ. ред. А.А. Кроника. – М.: Прогресс-Культура, 1993. – 230 с.
14. Рубинштейн С.Л. *Проблемы общей психологии*. – М.: Педагогика, 1973. – 424 с.
15. Салтыков-Щедрин М.Е. *Собрание сочинений в 10-ти т.* – М.: Правда, 1988, т. 10. – 576 с.
16. Сидоренко Е. *Терапия и тренинг по Альфреду Адлеру*. – СПб.: Речь, 2000. – 352 с.
17. Слободчиков В.И. *Становление рефлексивного сознания в раннем онтогенезе / Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования*. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 60–68.
18. Толстой Л.Н. *Собрание сочинений в 12-ти т.* – М.: Правда, 1987, т. 12. – 528 с.
19. Чепелева Н.В. Нарратив как средство интерпретации личного опыта // *Психология на перетині тисячоліть: Зб. наук. праць*. – К.: ДОК-К, 1998, т. 3. – С. 484–491.